

Джон Гришэм

•
Клиент

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшее»

John Grisham
THE CLIENT

Перевод с английского *Т. Матц*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85 Клиент : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского Т. Матц]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 416 с. — (Гришэм: лучшее).

ISBN 978-5-17-157535-9

Роман, ставший основой культового фильма, главные роли в котором сыграли Сьюзен Сарандон и Томми Ли Джонс.

В лесных зарослях близ Мемфиса обычный подросток невольно оказался свидетелем суицида солидного мужчины. А перед смертью самоубийца — как позже выяснилось, адвокат мафиозной группировки — доверил ему опасную тайну.

Так парнишка оказался меж двух огней: с одной стороны на него давят чересчур рьяные «защитники закона», готовые пойти на любые нарушения правил, лишь бы выбить информацию, а с другой — на него начинает охоту киллер, нанятый теми, для кого жизненно важно эту информацию скрыть навсегда.

И есть только один человек, на кого может рассчитывать мальчик. Это адвокат Реджи Лав, которая ради защиты интересов своего юного клиента готова бросить вызов всей судебной системе и даже riskнуть собственной жизнью...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© John Grisham, 1993

© Перевод. Т. Матц, наследники, 2016

ISBN 978-5-17-157535-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Марку было одиннадцать, но уже года два он покуривал. Ему больше нравился «Кулз», любимый сорт его бывшего папаши, но мать курила по две пачки «Вирджинии слимз» в день, и в среднем за неделю ему удавалось позаимствовать штук десять — пятнадцать. Мать его много работала, жилось ей трудно, воспитывать сыновей было некогда, и к тому же ей в голову не могло прийти, что ее старший в одиннадцать лет уже курит.

От случая к случаю ему перепадала за доллар пачка «Мальборо», украденная воришкой Кевином, живущим через две улицы. Но в основном приходилось рассчитывать только на «Вирджинию слимз».

В тот день у него в кармане было четыре сигареты, и он вел своего брата, восьмилетнего Рикки, по тропинке в лес за стоянкой трейлеров. Рикки очень нервничал из-за первого опыта курения. Вчера он застукал Марка, когда тот прятал сигареты в коробку из-под обуви под кроватью, и пригрозил рассказать матери, если старший брат не научит его курить. Они осторожно пробирались через лес к тому тайному месту, где Марк проводил часы в одиночестве, пытаясь научиться пускать дым кольцами.

Большинство ребят по соседству увлекались пивом и травкой, но Марк дал себе твердое обещание избегать и того и другого. Его бывший папаша был алкоголиком, который колотил жену и сыновей, и случалось такое, как правило, после обильных возлияний. Так что Марк почувствовал действие алкоголя на собственной шкуре. Опасался он и наркотиков.

— Ты что, заблудился? — спросил Рикки совсем как маленький, когда они свернули с тропинки и начали пробираться через густые высокие заросли кустарника.

— Да заткнись ты, — ответил Марк, не замедляя шага.

Когда их отец бывал дома, он либо пил, либо спал, либо измывался над ними. Слава Богу, теперь они от него избавились. В течение пяти лет Марк заботился о Рикки и сейчас чувствовал себя одиннадцатилетним отцом. Он учил его играть в футбол и кататься на велосипеде. Он рассказал ему все, что знал сам, о сексе. Он предупреждал его о наркотиках и защищал от шпаны. И он испытывал угрызения совести, приобщая его к такому злу, как курение. Но ведь это только сигарета. Могло быть значительно хуже.

Заросли кончились, и они очутились под большим деревом, с одной из ветвей которого свисала веревка. Вокруг была небольшая полянка, окруженная кустарником, за которым началась грунтовая дорога, ведущая за холм. Издалека доносился шум шоссе.

Марк остановился и показал на лежащее на земле бревно.

— Садись, — велел он, и Рикки послушно опустил на бревно и внимательно огляделся, как преступник, опасющийся полиции.

Марк окинул его бдительным оком сержанта-инструктора и достал сигарету из кармана рубашки. Он держал ее большим и указательным пальцами и всем видом старался показать, что для него это — дело привычное.

— Ты знаешь правила, — произнес он, глядя вниз на сидящего Рикки.

Правил было только два, они обсуждали их десятки раз сегодня, и Рикки обижался, что Марк обращается с ним как с ребенком. Он посмотрел в сторону и сказал:

— Да, если я проболтаюсь, ты дашь мне взбучку.

— Правильно.

Рикки сложил руки.

— И я могу курить только одну сигарету в день.

— Опять правильно. И берегись, если я узнаю, что ты куришь больше. И если я поймаю тебя с пивом или наркотой, то...

— Знаю, знаю. Ты задашь мне взбучку.

— Точно.

— А ты сколько в день куришь?

— Только одну, — соврал Марк.

Иногда действительно только одну. В другие дни — три или четыре, в зависимости от того, сколько их у него было. Он прикусил фильтр, совсем как гангстеры в фильмах.

— А одна в день не убьет меня? — спросил Рикки.

Марк вынул сигарету.

— Очень не скоро. Одна в день — довольно безопасно. Но если больше, жди беды.

— А сколько мама выкуривает в день?

— Две пачки.

— А это сколько?

— Сорок штук.

— Ух! Тогда ей надо ждать больших неприятностей.

— У мамы полно всяких неприятностей.

— Сколько папа в день выкуривает?

— Четыре или пять пачек. Сотню в день.

Рикки слегка усмехнулся:

— Тогда он скоро помрет, ведь так?

— Надеюсь. Если учесть, что он постоянно пьян, да еще непрерывно курит, то вряд ли долго протянет.

— А как это — непрерывно?

— Это когда прикуриваешь следующую сигарету от предыдущей. По мне, хоть бы он по десять пачек в день курил.

— Я тоже так думаю.

Рикки взглянул на полянку и дорогу. В тени дерева было прохладно, но на открытом месте солнце палило вовсю. Марк сжал фильтр между большим и указательным пальцами и покрутил сигаретой перед губами.

— Боишься? — насмешливо улыбнулся он. Только старшие братья так умеют.

— Нет.

— А я думаю, боишься. Смотри, держи ее вот так. — Он помахал сигаретой перед носом Рикки, потом торжественно взял ее в рот.

Рикки внимательно наблюдал. Марк зажег сигарету, выдохнул небольшое облачко дыма и полюбовался им.

— Не старайся проглотить дым. Ты для этого еще не готов. Вдохни легонько и выпусти. Ну, давай.

— Меня не стошнит?

— Стошнит, если будешь глотать дым. — Он в порядке демонстрации дважды быстро затянулся и выдохнул. — Видишь? Совсем просто. Потом я научу тебя затягиваться.

— Ладно. — Рикки, нервничая, протянул большой и указательный пальцы, и Марк осторожно вложил в них сигарету.

— Валяй.

Рикки сунул обслюнявленный фильтр в рот. Рука у него тряслась. Он слегка потянул дым и тут же выдохнул его. Потом еще раз. Дым не попадал дальше его передних зубов. Еще разочек. Марк внимательно наблюдал, надеясь, что он закашляется и по-синеет, потом его вырвет, и он никогда не будет курить.

— Проще простого, — гордо сказал Рикки, с восторженным удивлением разглядывая сигарету. Рука все еще тряслась.

— Да уж чего сложного.

— Вкус какой-то странный.

— Ага.

Марк уселся рядом с ним на бревно и достал из кармана еще одну сигарету. Рикки торопливо пускал дым. Марк зажег свою. Так они молча сидели под деревом и наслаждались курением.

— Весело, — заметил Рикки, покусывая фильтр.

— Замечательно. Только почему у тебя руки дрожат?

— Вовсе нет.

— Точно, точно.

Рикки не обратил на его слова внимания. Он наклонился вперед, поставил локти на колени, набрал в рот дыма и сплюнул, совсем как Кевин и другие мальчишки, живущие по соседству. И ничего сложного.

Марк сложил губы колечком и попытался пустить дым кольцами. Он рассчитывал таким образом произвести впечатление на брата, но кольца не получилось, и дым скоро рассеялся.

— Я думаю, тебе еще рано курить, — сказал он.

Рикки озабоченно попыхивал сигаретой и сплевывал, явно получая удовольствие от такого гигантского скачка в направлении возмужания.

— А тебе сколько лет было, когда ты начал? — спросил он.

— Девять. Но я был более взрослым, чем ты.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Они сидели рядом на бревне под деревом и мирно покуривали, разглядывая травянистую поляну, расстилающуюся перед ними. Марк и в самом деле был куда более взрослым в том возрасте, в котором находился сейчас Рикки. Он был более взрослым, чем любой ребенок в его возрасте. Он всегда был взрослым. Когда ему было семь лет, он ударил отца бейсбольной битой. Хотя о последствиях было неприятно вспоминать, по крайней мере этот

пьяный идиот перестал колотить мать. До того он бил их часто, и Дайанна Свей даже искала защиты и совета у своего старшего сына. Они утешали друг друга и строили планы, как выжить. Вместе плакали после побоев. Договаривались, как защитить Рикки. Когда ему исполнилось девять лет, Марк уговорил мать подать на развод. Он вызвал полицейских, когда отец, уже после того как ему предъявили бумаги о разводе, явился домой пьяным. Мальчик давал показания в суде, рассказав о побоях, издевательствах и пренебрежении отцовскими обязанностями. Он вел себя как взрослый.

Рикки первым услышал машину. С грунтовой дороги послышался низкий шелестящий звук. Тогда и Марк услышал его.

— Сиди тихо, — приказал он Рикки шепотом.

Оба замерли.

На гребне холма появился длинный черный блестящий «линкольн»,двигающийся в их направлении. Трава на дороге доставала до переднего бампера. Марк бросил сигарету и наступил на нее подошвой. Рикки сделал то же самое.

Не доезжая до поляны, машина остановилась, затем развернулась, задев нижние ветви дерева, и встала. Мальчики оказались прямо за ней, но с дороги их видно не было. Марк соскользнул с бревна и пробрался сквозь заросли к краю поляны. Рикки за ним. Задний бампер машины находился от них в тридцати футах. Они внимательно наблюдали. На машине были номерные знаки штата Луизиана.

— Что он делает? — прошептал Рикки.

Марк посмотрел сквозь заросли:

— Ш-ш-ш!

Он часто слышал на трейлерной стоянке, что подростки забираются в этот лес, чтобы встретиться с девчонками и покурить травку, но эта машина явно не могла принадлежать подросткам. Мотор заглох, и с минуту машина просто стояла в зарослях. Затем дверца открылась, и из машины вылез, оглядываясь по сторонам, водитель. Это был толстенький человечек в черной куртке, с полным лицом и лысой круглой головой: только за ушами виднелась полоска седых волос. Еще у него была черная, с проседью, борода. Человек, спотыкаясь, прошел к багажнику, повозился с ключами и наконец открыл его. Он достал из багажника кусок шланга, надел один его конец на выхлопную трубу, а второй вставил в слегка приспущенное стекло задней левой

дверцы. Закрыв багажник, он снова огляделся, как будто боялся, что за ним следят, и залез в машину.

Заработал мотор.

— Уф! — тихо произнес Марк, уставившись на машину.

— Что это он делает? — спросил Рикки.

— Хочет покончить с собой.

— Я не понимаю, Марк. — Рикки немного приподнял голову, чтобы лучше видеть.

— Не высовывайся. Видишь шланг? Выхлопные газы пойдут в машину и убьют его.

— Ты говоришь о самоубийстве?

— Именно. Я в кино видел, так один парень сделал.

Они пригнулись пониже и не сводили глаз со шланга, идущего от выхлопной трубы в окно. Мотор ровно работал вхолостую.

— А почему он хочет покончить с собой?

— Откуда я знаю? Но надо что-то сделать.

— Ага, пошли отсюда к чертовой матери.

— Нет. Посиди минуту тихо.

— Я ухожу, Марк. Можешь сколько хочешь смотреть, как он умрет, а я пошел.

Марк схватил брата за плечо и заставил пригнуться. Рикки тяжело дышал, и обоих прошиб пот от страха. Солнце спряталось за тучу.

— А это долго? — спросил Рикки дрожащим голосом.

— Не очень. — Марк отпустил брата и встал на четвереньки. — Сиди здесь, понял? Если двинешься, я тебе такого пинка дам!

— Что ты собираешься делать, Марк?

— Сиди здесь.

Прижавшись тощим телом к земле, работая локтями и коленями, Марк пополз через заросли к машине. Трава была сухая и не меньше двух футов высотой. Он остановился прямо за машиной. Потом, скользя животом по сухой траве, как змея, залез под багажник, осторожно снял шланг с выхлопной трубы и положил его на землю. Назад он двигался с большей скоростью и уже через несколько секунд сидел, пригнувшись, рядом с Рикки в густой траве под самой длинной ветвью дерева. Он был уверен, что, если их обнаружат, они смогут рвануть мимо дерева по тропинке и скрыться раньше, чем толстяк поймает их.

Они ждали. Прошло пять минут, которые показались им часом.

— Ты думаешь, он умер? — глухо прошептал Рикки.

— Не знаю.

Неожиданно дверца распахнулась, и толстяк вылез наружу. Плача и что-то бормоча, он, спотыкаясь, обошел машину, увидел шланг на траве, выругался и снова надел его на выхлопную трубу. В руке у него была бутылка виски. Диким взглядом обведя деревья, толстяк, пошатываясь, вернулся в машину.

Мальчики в ужасе наблюдали.

— Он совсем рехнулся, — заметил Марк вполголоса.

— Пошли отсюда, а? — попросил Рикки.

— Да нельзя! Если он убьет себя, а мы это увидим и ничего не сделаем, у нас могут быть большие неприятности.

Рикки поднял голову, готовый к отступлению.

— Тогда мы никому ничего не скажем. Пошли, Марк!

— Просто сиди тихо! — Марк снова схватил его за плечо и заставил лечь на землю. — Мы не уйдем, пока я не скажу!

Рикки крепко зажмурился и заплакал. Марк покачал головой, не отводя глаз от машины. Вечные неприятности с этими младшими братьями.

— Перестань, — проворчал он.

— Я боюсь.

— Ну и ладно. Просто не двигайся, хорошо? Слышишь? Не двигайся. И перестань реветь. — Марк снова встал на четвереньки и приготовился ползти к машине.

— Просто дай ему умереть, Марк, — пробормотал Рикки, рыдая.

Марк взглянул на него через плечо и двинулся к машине, мотор которой все еще работал. Он пополз по уже слегка примятой траве так медленно и осторожно, что даже Рикки, переставший плакать, едва мог его видеть. Рикки следил за дверцей сумасшедшего водителя, ожидая, что она распахнется, толстяк выскочит оттуда и убьет Марка. Мальчик привстал на цыпочки, готовый сорваться с места, если придется удирать через лес. Он увидел Марка уже у заднего бампера. Опершись для уверенности на заднюю фару, старший брат медленно снял шланг с трубы. Вновь трава слабо зашелестела и закачалась. Через несколько секунд Марк был уже рядом с Рикки, задыхающийся и вспотевший, но, как ни странно, улыбающийся.

Они сидели под кустом, поджав под себя ноги, как два кузнечика, и наблюдали за машиной.

— Что, если он снова вылезет? — спросил Рикки. — И увидит нас?

— Он нас не может увидеть. Но если он пойдет в эту сторону, делай то же, что и я. Мы исчезнем, не успеет он сделать и шага.

— Почему нам не исчезнуть сейчас?

Марк с негодованием посмотрел на Рикки.

— Я пытаюсь спасти ему жизнь, понял? Вдруг он увидит, что ничего не получается, и, может, решит подождать. Разве так трудно это понять?

— Да он сумасшедший. Если он может убить себя, он может убить и нас. А это разве так трудно понять?

Марк только покачал головой. Неожиданно дверца снова распахнулась. Толстяк выкатился из машины, что-то бормоча, и потопал по траве вдоль машины. Схватил конец шланга, посмотрел на него так, как будто упрекал за плохое поведение, и медленно оглядел небольшую полянку. Он тяжело дышал и был весь в поту. Затем взглянул в сторону деревьев, и мальчики быстро прижались к земле. Он посмотрел вниз и замер, как будто что-то сообразив. Трава вокруг была слегка примята, и он было наклонился, чтобы рассмотреть получше, но потом надел шланг на выхлопную трубу и заторопился к дверце. Казалось, ему было безразлично, следит ли кто за ним из-за деревьев или нет. Он хотел умереть побыстрее.

Две головы поднялись над кустарником. Они долго присматривались. Рикки готов был дать деру, но Марк колебался.

— Марк, ну пожалуйста, пошли, — умолял Рикки. — Он нас почти заметил. А что, если у него есть пистолет?

— Если бы у него был пистолет, он бы застрелился.

Рикки закусил губу, и на его глазах снова появились слезы. Ему никогда раньше не удавалось переспорить брата, видно, и на этот раз не удастся.

Прошла еще минута, и Марк снова задвигался:

— Попробую еще раз, и все, ладно? И, если он не откажется от своей затеи, мы уйдем. Я обещаю, слышишь?

Рикки кивнул без всякого энтузиазма. Брат снова растянулся на животе и осторожно пополз к машине. Рикки грязными пальцами вытер слезы со щек.

Раздувая ноздри, адвокат старался дышать поглубже. Медленно выдохнув, он старался определить, проникает ли смертельный газ ему в кровь, начинает ли действовать. Рядом на сиденье лежал заряженный пистолет. В руке была наполовину пустая бутылка виски. Отпив глоток, он завинтил пробку и положил бутылку на сиденье. Снова глубоко вздохнул и закрыл глаза, пытаясь почувствовать действие газа. Как это будет — он просто потеряет сознание? Записка прикреплена к приборной панели над рулем. Рядом стоял пузырек с таблетками.

Он плакал и разговаривал сам с собой, уговаривая газ поспешить, черт бы его побрал, и убить его, пока он не потерял терпение и не воспользовался пистолетом. Он был трусом, хотя и упорным, и предпочитал потерять сознание, надыхавшись газа, а не засовывать дуло себе в рот.

Он еще раз приложился к бутылке и почувствовал, как напиток обжег горло. Да, газ начал действовать. Скоро все будет кончено.

Он улыбнулся своему отражению в зеркале: план удался, скоро он умрет, а это значит, что не такой уж он и трус. Чтобы все это проверить, тоже нужно мужество.

Плача и бормоча, адвокат отвинтил пробку, чтобы сделать, может быть, последний глоток. Виски из слишком резко наклоненной бутылки потекло по губам и бороде.

Никто о нем не пожалеет. И хотя эта мысль должна была бы причинить боль, адвоката утешало сознание, что ни один человек не будет опечален его смертью. Мать была единственным человеком, который его любил, но она умерла четыре года назад, так что ей он страданий не причинит. Был еще ребенок от первого, неудачного, брака, дочь, которую он не видел уже одиннадцать лет, но она в своей секте стала такой же сумасшедшей, как и ее мать.

Похороны будут скромными. Несколько приятелей-адвокатов да парочка судей, все в темных костюмах, будут с важным видом перешептываться под органную музыку в полупустой церкви. Никаких слез. Адвокаты будут сидеть, поглядывая на часы, пока священник не произнесет казенные слова о дорогих усопших, никогда не посещавших церкви.

На все уйдет не более пятнадцати минут, ничего лишнего. В записке на приборной доске просьба кремировать тело.

— О-о, — вздохнул он тихо, снова приложился к бутылке и, делая глоток, заметил в зеркале заднего обзора, как колыхнулись заросли за машиной.

Рикки увидел распахнувшуюся дверь раньше, чем Марк что-либо услышал. Дверь открылась резко, как от пинка, и неожиданно большой и толстый человек с красным лицом побежал вдоль машины, придерживаясь за нее и рыча. Рикки окаменел от страха и намочил штаны.

Марк только успел дотронуться до бампера, когда услышал звук открывающейся двери. Он на секунду замер, прикинул, не стоит ли залезть под машину, и эта нерешительность погубила его. Пытаясь встать, чтобы убежать, он поскользнулся, и в этот момент мужчина схватил его.

— Ты! Ты, маленький ублюдок! — взвизгнул он, держа Марка за волосы и толкнув на багажник. — Ах ты, маленький ублюдок!

Мальчик лягся, пытаясь высвободиться, но получил затрещину. Он снова принялся брыкаться, но уже с меньшим энтузиазмом, и получил еще оплеуху. Марк видел дикое, злобное лицо всего в нескольких дюймах от себя. Глаза мужчины были мокрыми и налитыми кровью. Из носа и с подбородка текло.

— Ты, маленький ублюдок! — прорычал он.

Понадежнее прижав мальчика к машине и убедившись, что он больше не сопротивляется, адвокат снова надел шланг на выхлопную трубу, сдернул Марка с багажника за воротник и потащил по траве к открытой дверце. Он впихнул мальчонку в машину и протолкнул дальше, на правое сиденье.

Марк схватился за ручку дверцы и принялся искать замок, ее открывающий, но в этот момент мужчина сам повалился на водительское сиденье. Захлопнув за собой дверцу, показал на дверную ручку и завопил:

— Не смей трогать! — Он с силой ударил Марка тыльной стороной ладони по левому глазу.

Марк вскрикнул от боли, закрыл глаза руками и согнулся, залившись слезами. Нос болел ужасно, а рот и того хуже.

В голове шумело. Во рту был привкус крови. Человек рядом бормотал и всхлипывал. Сильно пахло виски. Правым глазом Марк мог видеть свои колени в грязных джинсах. Левый глаз начал затекать. Перед ним все плыло.

Толстяк глотнул виски и уставился на Марка, который сидел согнувшись и дрожал как осиновый лист.

— Перестань реветь! — прорычал он.

Марк облизал губы и сглотнул кровь. Он потер шишку над бровью и постарался дышать поглубже, все еще не отводя взгляда от джинсов. Человек повторил:

— Кончай реветь!

Марк постарался удержаться от слез.

Мотор работал. Машина была большой, тяжелой и тихой, но все равно Марк слышал вдалеке урчание мотора. Он медленно повернулся и посмотрел на шланг, торчащий из окна задней дверцы за спиной водителя и напоминающий рассерженную змею, приготовившуюся к смертельному броску. Толстяк рассмеялся.

— Полагаю, нам следует умереть вместе, — провозгласил он, неожиданно сумев взять себя в руки.

Левый глаз Марка стремительно затекал. Он повернулся всем корпусом и посмотрел прямо в лицо сидящему рядом человеку, который сейчас показался ему еще больше. Лицо было рыхлым, заросшим кустистой бородой, а красные глаза светились в темноте дьявольским светом. Марк снова заплакал.

— Пожалуйста, выпустите меня, — попросил он прерывающимся голосом. Губы у него дрожали.

Водитель снова поднес бутылку виски ко рту и отпил глоток. Скривился и облизал губы.

— Прости, малыш. Ты же сам захотел строить из себя умника и сунуть свой поганый нос в мои дела, так ведь? Вот я и считаю, что мы должны умереть вместе. Я прав или нет? Только ты и я, приятель. В путь к развеселой земле. Вперед на свидание с волшебником. Приятных сновидений, малыш.

Марк понюхал воздух и вдруг заметил пистолет, лежащий между ними на сиденье. Он быстро отвел от него глаза, потом взглянул снова, когда мужчина опять приложился к бутылке.

— Хочешь пистолет? — спросил мужчина.

— Нет, сэр.

— Зачем тогда на него смотришь?

— Я не смотрю.

— Не ври мне, малыш, а то я тебя прикончу. Я сумасшедший, понял, и я тебя убью. — Хотя по щекам его и катились обильные слезы, голос звучал спокойно. Человек глубоко дышал. — И к тому же, малыш, ведь мы с тобой теперь приятели, так что будь со мной честен. Честность — великое дело, правда? Так хочешь пистолет?

— Нет, сэр.

— Хочешь взять его и пристрелить меня?

— Нет, сэр.

— Я не боюсь умереть, понимаешь, малыш?

— Да, сэр, но я-то не хочу умирать. Я должен заботиться о матери и младшем брате.

— А, надо же, как трогательно. Настоящий мужчина в доме.

Он завернул крышечку бутылки и вдруг схватил пистолет, засунул дуло глубоко в рот, обхватил его губами и взглянул на Марка, который следил за каждым его движением, ожидая, что тот спустит курок, и в то же время надеясь, что он этого не сделает. Адвокат медленно вынул дуло изо рта, поцеловал его и направил на Марка.

— Знаешь, я никогда из него не стрелял, — еле слышно произнес он. — Купил его час назад в Мемфисе, в лавке старьевщика. Как думаешь, он работает?

— Пожалуйста, выпустите меня.

— У тебя есть выбор, малыш, — сказал человек, вдыхая невидимый газ. — Или я сейчас вышибу тебе мозги и все будет кончено, или тебя прикончит газ. Выбирай.

Марк старался не смотреть на пистолет. Он понюхал воздух, и на мгновение ему показалось, что он что-то почувствовал. Пистолет был совсем рядом с его виском.

— Зачем вы это делаете? — спросил он.

— Не твоего ума дело, понял, малыш? Я рехнулся, понял? Крыша поехала. Сам понимаешь, я рассчитывал потихоньку покончить с собой, только я, шланг, может, немного таблеток да бутылка виски. Без посторонних глаз. Но нет, надо было тебе сунуть сюда свой длинный нос. Маленький ублюдок! — Он опустил пистолет и осторожно положил его на сиденье.

Марк потерял шишку на лбу и закусил губу. Руки дрожали, и он зажал их между коленками.

— Через пяток минут мы умрем, — заявил адвокат торжественно и поднес бутылку к губам. — Мы вдвоем, приятель, отправимся на свидание к волшебнику.

Рикки наконец обрел способность двигаться. Зубы стучали, и джинсы были мокрыми, но он начал соображать и, осторожно опустившись на четвереньки, пополз к машине, сжав зубы и прижимаясь к траве. Вот сейчас дверца распахнется, этот сумасшед-

ший, быстрый, несмотря на полноту, выпрыгнет из ниоткуда и схватит его за шиворот, совсем как Марка, и все они умрут в этой длинной черной машине. Медленно, дюйм за дюймом, он приближался к машине.

Марк осторожно двумя руками поднял пистолет. Он был тяжелый, как кирпич. Пистолет ходил ходуном в его руках, когда он направил его на толстяка, наклонившегося вперед так, что дуло оказалось в дюйме от его носа.

— А теперь нажми курок, малыш, — сказал он, улыбаясь. На блестящем от пота лице отразилось нетерпение. — Нажми курок! — закричал он.

Марк закрыл глаза и крепко сжал рукоятку пистолета ладонями. Он задержал дыхание и уже было собрался нажать на курок, когда мужчина вырвал пистолет у него из рук. Он взмахнул им перед лицом мальчика и нажал на курок. Марк взвизгнул, стекло за его головой треснуло на тысячи кусков, но не вылетело.

— Работает! Работает! — завопил мужчина, а Марк пригнулся как можно ниже и закрыл уши руками.

Услышав выстрел, Рикки спрятал лицо в траве. Он был футах в десяти от машины, когда раздался хлопок, а за ним крик Марка. Толстяк тоже что-то закричал, и Рикки снова описался. Он закрыл глаза и схватился руками за траву. В животе все сжалось, сердце бешено стучало, и целую минуту после выстрела он не мог пошевелиться. Он оплакивал своего брата, которого убил этот сумасшедший.

— Перестань реветь, черт побери! Меня тошнит от твоего рева!

Марк обхватил колени и попытался перестать плакать. В голове стучало, а во рту пересохло. Он снова зажал руки коленями и весь согнулся, стараясь что-нибудь придумать. По телевизору он однажды видел, как один придурок собрался прыгнуть с крыши дома, а полицейский так спокойно с ним говорил и говорил, и придурок начал ему отвечать и в конце концов так и не прыгнул. Марк понюхал, не пахнет ли газом, и спросил:

— Зачем вы это делаете?

— Зачем? — переспросил мужчина, разглядывая маленькую круглую дырочку в стекле. — Почему дети задают так много вопросов?